

КРАЄЗНАВСТВО

СТАВИСКИЙ В.И.

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ АНТРОПОНИМИКИ
В КАЗАЧЬЕЙ СРЕДЕ СЛОБОЖАНЩИНЫ XVII - XVIII вв.
(По материалам переписей населения бельчанской сотни
Ахтырского казачьего полка)**

В статье рассматриваются особенности становления и функционирования антропонимики с. Белка Ахтырского казачьего полка в XVII - XVIII вв.

Белка - село Тростянецкого района Сумской области, исторически расположенное в месте слияния р. Белка и р. Боромля. Оно не указано на картах Боплана, хотя историческая память относит его основание ко времени до 1675 г. Во всяком случае, с этого времени оно входило в качестве казачьей сотни в состав Ахтырского казачьего, а после реформы 1765 г. стало войсковой слободой Ахтырского гусарского полка. В статусе войскового поселения Белка находилась до 1917 г. К периоду вхождения Белки в состав государственной воинской структуры Российской империи относится хорошо сохранившийся комплекс архивных материалов, опубликованных за последние годы [1]. Это переписи бельчанской сотни в составе Ахтырского полка, производившиеся среди слободских полков с некоторой периодичностью по инициативе российского императорского дома, начиная с 1704 г. С их публикацией в научный оборот был введен достаточно полный комплекс статистических материалов для локального исследования исторической топографии, антропонимики, социальных и демографических процессов, происходивших на протяжении 200 лет в достаточно замкнутом культурно и социально регламентированном войсковом сообществе казачьей сотни Ахтырского полка. Изданные документы различны по своей полноте и принципам составления, которые предопределялись стоявшими перед составителями задачами. Тем не менее, это не уменьшает их ценности как исторического источника, ввиду того, что они хронологически дополняют друг друга, восполняя возможные лакуны.

В информативном плане наиболее полной и ценной является войсковая перепись 1732 г. [2]. Она хоть и включает исключительно мужскую часть населения Белки, но составлена подворно с указанием социального положения, возраста, отчеств и родственных отношений обитателей отдельных дворов. Предшествовавшая ей перепись 1726 г. [3] дает возможность не только оценить динамику роста населения Белки, но и принципы формирования ее социальной среды. Перепись 1704 г. [4] была первой и наиболее полной официальной полковой переписью казачьего населения и в сравнении с предшествующими хронологически материалами крайне важна с точки зрения антропонимики и генеалогии активных членов казачьего сообщества.

Ставиский Вадим Изяславович - кандидат исторических наук, директор ООО "Учмедкомплект"

Его историческое развитие в последней четверти XVII в. прослеживается при сравнении с самым древним пластом документов 80-х - 90-х годов.

В казачий период в гендерном плане интерес составителей переписей характеризовался явным доминированием мужского начала, чего нельзя с уверенностью сказать о периоде после 1765 г. Ревизские сказки, составленные в этот период, за исключением 1811 г., включают уже и женское население, вводят новые социальные категории, как, например, “обывательские вдовы”. Применяя к данному кругу источников соответствующие методики анализа, мы можем рассчитывать на получение интересных выводов на уровне реконструкции микроисторических процессов, происходивших в войсковом сообществе Слобожанщины, генеалогии, антропонимики, культуры как отдельных социумов, так и всего края. Как пример возможного использования этого комплекса источников, мы попытаемся проанализировать историю функционирования в Белке имени Николай в период, охватываемый публикуемыми материалами.

Интрига заключается в том, что первая информация о Белке связывается с построением в ней церкви в 1675 г., о чем, по словам преосв. Филарета, “священник белчанской Николаевской церкви, испрашивая архипастырское благословение на перестройку и распространение белчанской церкви, писал” в 1732 г. в епархиальное управление [5]. Естественно предположить, что если в Белке с 1675 г. функционировала церковь, посвященная св. Николаю, с двумя храмовыми праздниками 9 мая и 6 декабря, это должно было, очевидно, както проявиться в особом почитании этого святого в белчанской среде, а следовательно отразиться в антропонимике населения Белки, как это было в новейшее время. В христианской среде практически все имена были связаны с культом святых, отразившемся в церковном календаре. Его основным источником была византийская церковная традиция, после Тридентского собора (1545-1563 гг.) ставшая основополагающей даже для католической среды Речи Посполитой [6]. Следовательно, можно было бы предположить, что имя Николай, связанное с популярным в Византии и Древней Руси, а позже и в России культом св. Николая, в антропонимике Белки в XVII - XVIII веках занимало заметное место. Ведь даже в католической среде Львова на протяжении XVII в. число носителей этого не самого популярного имени выросло в два раза [7]. В России же, составной частью воинской структуры которой были слободские полки, в это время почитание св. Николая приобретает особую остроту.

Первая официальная перепись казаков Ахтырского полка была произведена в 1704 г. Согласно ей в Белке насчитывалось 250 казаков без указания на разделение на компанейцев и подпомощников. В ней зафиксировано 70 различных имен, среди которых встречаются достаточно редкие - Филон, Иоаким, Евтихий. Это свидетельствует о том, что при наречении родители руководствовались церковным календарем. Правда, явное частотное доминирование двух имен - Иван (35) и Василий (21), при том, что ближайšie к ним Павел, Федор и Семен не переходили десятка упоминаний, может свидетельствовать о наличии неких приоритетов, которые учитывались при имянаречении. К сожалению, отчества казаков в

переписи указаны не были, как не были упомянуты и их дети, что не дает возможности составить более полную картину процесса.

Перепись казаков бельчанской сотни 1726 г. включает 310 казаков и упоминает 80 различных мужских имен. Их разнообразие и количественное соотношение также свидетельствуют о том, что при крещении младенцев священник и родители опирались по большей части на церковный календарь. Так, наряду с традиционными для христианской среды именами Иван, Василий, Федор, Андрей, использованы и более экзотические - Кирик, Исидор, Киприан (Купрей), Дасий (Дацко), Андроник (Андрушко), Тимон, Дионисий (Денис). Частотное соотношение имен тоже показательно и продолжает ранее отмеченную тенденцию. Так, вновь очевидно явное преобладание Иванов (42) и Василиев (25), а следующих за ними Федоров, Семенов, Стефанов и уже Григориев все также сравнительно мало - по 12. Отчества и малолетних в этой переписи также не указывали. Но у нас появляется возможность сделать предположение о том, что в бельчанской среде в начале XVIII в. действовали некие приоритеты при имянаречении, обеспечивавшие явное частотное преобладание имен Ивана и Василия над другими именами, которое не может быть объяснено исключительно особенностями церковного календаря.

Удивляет и другое - ни в одной, ни в другой переписи ни разу не упомянуто имя Николая, невзирая на наличие в Белке единственной церкви, посвященной св. Николаю, с храмовыми праздниками дважды в год, в которые, к тому же, больше никто из святых не поминается. Состав переписей 1704 и 1726 гг. не дает оснований для вывода, были ли Николай среди отцов или детей упомянутых в них казаков. Но и в "сенной росписи" за 1686 г., в которой упомянуты 186 бельчанских казаков, опять таки не обнаружено ни одного казака с именем Николай.

Наконец, когда мы обратимся к самой обстоятельной полковой переписи 1732 г., охватившей 1231 человека мужского населения Белки, в т. ч. по большей части и тех, кто вошел в перепись 1726 г. и учитывавшей отчества всего мужского населения Белки, то обнаружим, что и в ней не зафиксировано не только ни одного Николая среди казаков или их подпомощников, но и ни одного "Николаевича". Зато в той ее части, где представлены сыновья, племянники, не прямые родственники и "соседи", проживавшие во "дворах" казаков и подпомощников, сообщается о шести Николаях. Трое из них представляют семьи казаков переписи 1726 г.: у Ивана Семеновича Курочки (50 лет) - сын Николай 1718 г. р.; у Дениса Петренко (50 лет) - сын Николай 1713 г. р.; у Федора Яковлевича Коломийца (40 лет) - сын Николай 1727 г. р. Упоминается и шурин подпомощника Романа Бердныченко - Николай Аверьянович Гончаренко (40 лет), из рода подпомощников Гончаренко переписи 1726 г., Николай Барила 1718 г. р. - сын подпомощника Никифора Максимовича, а также 25-летний "сосед" Николай Вьюник.

Фамилии Вьюник нет в списке белчанской сотни за 1726 г., но в переписи Ахтырского полка за 1732 г. Николай Федорович Вьюник записан как "сосед", проживавший в собственной избе во дворе казака Тимофея Андреева. В переписи 1726 г. "соседом", проживавшим в собственной избе на дворе последнего, указан Василий Белан, который в 1732 г. уже упомянут

как “подпомошник”, имевший собственный двор. Следовательно, между 1726 - 1732 гг. Василий Белан повысил свой социальный статус с проживавшего “в собственных купленных обывательских хатах суседа” на живущего в собственном “дворе” подпомошника, а “изба” на “дворе” казака Тимофея Андреева, очевидно, была продана им вновь прибывшему Николаю Вьюнику. Точно также переселившимся в Белку между 1726 и 1732 гг. со своим 60-летним отцом мы видим Николая Никифоровича Барилу (Борику) 1718 г. р, фамилии которого мы не встречаем в материалах ранее 1732 г. Фамилии Курочка, Петренко и Гончаренко мы встречаем в переписи 1726 г., но в 1704 г. мы их не находим. Это позволяет связать и их появление в Белке с расширением бельчанской сотни между 1704 и 1726 гг., а их семейное имятворчество - с небельчанской антропонимикой. Этого нельзя сказать о семье Федора Яковлевича Коломийца. Но есть черта, которая объединила род Коломийцев с вышеперечисленными вновь прибывшими семьями. И это было не только то, что родившегося в 1727 г. сына он назвал Николаем, а то, когда он это сделал: его отец по переписи 1726 г. еще числился казаком, а Федор Коломиец в 1732 г. был уже подпомошником и, вероятно, уже будучи в новом социальном статусе, он назвал своего сына Николаем.

Таким образом, между 1704 и 1732 гг. мы имеем 6 случаев наречения именем Николай. Из них 5 случаев относится к фамилиям, появившимся в Белке в результате переселения из других мест после 1704 г. Но все шесть случаев объединяет “неказачий” статус их носителей - “подпомошников” и “суседей”. Мы предполагаем, что имя Николай в Белке среди привелигированого и достаточно закрытого сообщества казаков-компанейцев, несших воинскую службу, давать не принято. Такое впечатление, что на него было наложено некое табу, не столь строго соблюдавшееся в иной, неказачьей среде. А если это имя было запрещено давать казакам, то объяснить его появление в наших отдельных случаях с казаками Курочкой и Петренко можно тем, что сыну это имя могло быть дано либо до приобретения семьей казачьего статуса (у Дениса Петренко - сын 1713 г. р., а у Ивана Курочки - сын 1718 г. р.), либо после его утраты, как в случае с Федором Коломийцем (сын 1727 г. р).

Через 50 лет в ревизской сказке 1782 г. мы, однако, не обнаруживаем ни одного “Николаевича”, за исключением Семена Николаевича Вьюника 1736 г. р. Значит ли это, что сами носители этого имени исчезли по каким то причинам и, возможно, трагическим? Или носители этого имени, кажется, не имели потомства? Особенно характерен перерыв между 1727 и 1768 гг., когда на протяжении сорока лет в аборигенных бельчанских семьях ни одному из младенцев не было дано имя Николая. Характерно, что этот перерыв совпал с началом интенсивного притока в Белку нового населения, возможно, не имевшего опыта казачьего общежития. Закончился же он буквально сразу после упразднения института казачества Указом от 1765 г. Так что, возможно, причины такого неприятия имени следует искать в области социальной психологии и рассматривать как некий знак в комплексе культурно-исторических явлений.

В самом деле, родившиеся после 1727 г. Николаи связаны с фамилиями, появившимися в Белке после 1704 г., в период, когда ее население многократно увеличилось. Так, Николаи 1738 и 1754 гг. рождения связаны

по переписи 1782 г. с многочисленным родом Яременко, появившимся в Белке после 1732 г. Хотя в реестре 1726 г. и упомянут Илляш (Илья) Яременко, к этой фамилии он отношения не имеет, т. к. в ревизской сказке 1782 г. есть Кондратий Ильич Еременко 1738 г. р. В роду же Яременко по сказке 1782 г. значатся обывательские вдовы 1703 и 1712 г. р., бывшие матерями означенных выше Николаев. По возрасту у них должны были быть мужья, числившиеся в белчанской сотне, но там нет двух Яременко. Далее, еще один Яременко - Петр Еремеевич 1715 г. р. Его отец Ярема тоже мог бы числиться в переписи за 1726 г., но и его там нет. Так что и эта семья может иметь только опосредованное отношение к местной традиционной антропонимике первой половины XVIII в.

К местной антропонимической традиции, строго говоря, нельзя отнести и Николая, родившегося в семье Дрыгайловских в 1762 г. Сын Ивана Васильевича 1717 г. р., внук “подпомошника” Василия Драгайловского - согласно переписи 1726 г. он родился в семье, упоминаний о которой нет ни в переписи 1704 г., ни в более ранних материалах, а значит, что и сам Иван Васильевич вполне мог родиться не в Белке, а переехать сюда со своим отцом между 1717 и 1726 г. и руководствоваться при именовании другой традицией. Но главное, ни Яременко, ни Дрыгайловские не были казаками, а имели статус подпомошников, т. е. для них местные казачьи табу могли быть не актуальны, разве что только в плане социальной адаптации.

В любом случае, мы предполагаем некое предвзятое отношение к имени Николай в бельчанском социуме, особенно в среде старых бельчанских фамилий, ведущих свою родословную с середины XVII в., объясняющее слабое распространение этого имени в антропонимической среде Белки. Ведь даже если следовать календарному принципу, Мирон, Конон или Лев, которых было по несколько среди современников, празднуются не чаще, а наличие в слободе Николаевской церкви предполагало все же определенные антропонимические приоритеты. Особенно характерен перерыв между 1727 и 1768 гг., когда на протяжении сорока лет в аборигенных бельчанских семьях ни одному из младенцев не было дано имя Николая. Только после упразднения казачьих полков в 1765 г. и преобразования казаков в войсковых обывателей в роду бывшего компанейского казака Кондратия Морданенка в 1768 г. родился первенец Николай Морданка. В 1771 г. родился первенец Николай Лобода, в 1774 г. - Николай Маринич, в 1775 г. - Николаи Клочко и Лапко, в 1777 г. - Николай Забела, в 1780 - Николай Бей, в 1782 г. - Николаи Дно и Донец. При этом семьи Морданка, Лобода, Маринич, Клочко, Лапко (фамилии известные по переписям 1704 и 1726 гг.) называли Николаями своих первенцев. Семьи Донец, Забела и Бей, известные по переписи 1704 г. и ранее, с 1777 г. этой традиции уже не следовали. Очевидно, для этого нашлись веские причины, важнейшей из которых нам представляется упразднение казачьего сословия, превращение Белки в казенное поселение, а ее жителей в войсковых обывателей и связанного с этим усиления российских армейских традиций. Возможно, однако, что неожиданному всплеску новых тенденций в имятворчестве способствовали и некоторые внутренние факторы.

Как сообщается в Ведомости за 1843 г., в начале 70-х годов деревянная церковь в Белке сгорела, а после пожара она была “построена 1774 года

тщанием прихожан... Престол в ней один во имя Святителя и Чудотворца Николая" [8]. Т. е., к 1774 г. относится важный для бельчанского общества факт строительства Николаевской церкви. Причем строительство производилось на общественные средства, в отличие от предыдущей постройки, связанной исключительно с деятельностью бельчанских священников из рода Скряг, а следовательно - должно было иметь некий общественный резонанс. Таким признаком активизации общественных процессов в бельчанском социуме в год строительства Николаевской церкви стало, по нашему мнению, наречение первенцев в честь св. Николая.

Вероятность такого вывода подтверждают материалы последующей ревизской сказки за 1811 г. Согласно ей, из семи Николаев, родившихся в Белке после 1782 г. (Яхно, Липовой, Кулибаба, Помазан, Дубовик, Дьяченко, Герасименко), только Николай Яхно 1783 г. р. оказался первенцем. Все остальные семьи, также известные в Белке с XVII в., уже более спокойно следовали церковному календарю либо иному принципу наименования первенца, не создавая знаковых антропонимических прецедентов. В любом случае, материалы ревизских сказок 1782 и 1811 гг. свидетельствуют о том, что с 70-х годов XVIII в. и не ранее в белчанскую среду более или менее прочно входит имя Николай. Среди прочих возможных факторов, обусловивших это явление, конечно же нужно отметить церковный - возобновление в 1774 г. Николаевской церкви бельчанским сообществом. Причем, интересно, что откликнулись на этот общественно значимый акт в основном старые бельчанские фамилии, известные по переписям 1704 и 1726 гг.: в 1768, 1774-1775 и 1783 гг. они нарекли Николаями родившихся первенцев, что выглядит достаточно знаково. С 1777 г. этого практически уже не происходит, но зато именно с их помощью само имя Николай прочно входит в бельчанскую антропонимическую среду, хотя и не становится приоритетным.

Итак, анализ архивных материалов, включающих и переписи населения Белки за вторую половину XVII - начало XIX вв., дает основание сделать интересные и весьма неожиданные предположения по поводу формирования антропонимической среды в казачьем сообществе слободы Белка во второй половине XVII - XVIII вв. Весьма очевидно доминирование в нем имен Ивана и Василия на фоне игнорирования имени Николая. На то, что это не было случайностью, указывает резкий всплеск интереса к имени Николай при восстановлении в 1774 г. Николаевской церкви, происходившего на фоне больших социальных перемен в постказачьем социуме после упразднения казачества в 1765 г.

Полное отсутствие имени Николай среди казаков бельчанской сотни Николаевского прихода по переписям до 1732 г. и всего один случай наименования в честь св. Николая среди их детей за период с 1675 по 1732 гг. является знаковым явлением. На выбор имени в параметрах даже устойчивой культурно-религиозной среды, очевидно, влияют и другие механизмы, кроме желания самоидентифицироваться либо обозначить свою национальную принадлежность, к чему сводят этот процесс некоторые исследователи [9]. Для казачьей среды эти принципы были неактуальны, а механизм между тем существовал. На фоне очевидного преобладания в разы частотности использования в этот период других имен простым

календарным принципом это также не может быть объяснено.

Сравнение с практикой имянаречения в католическом сообществе Львова в XVII в., исследованное И. Езерской, объясняет очевидное доминирование среди мужского населения имени Иоанна, что исследовательница связывает с использованием церковного календаря, в котором широко представлен Иоанно-Предтеченский цикл [10]. Однако, если принять только это объяснение, то нам вслед за исследовательницей придется удивиться тому факту, что такое популярное во всем католическом мире имя, как Мария, ни разу (!) за все сто лет не было использовано для наречения новорожденных католичек Львова [11]. Следует предположить, что в культурно-религиозной среде Львова, в которой обращение к заступничеству девы Марии было повсеместно распространенным явлением, в XVII в. существовал некий запретительный обычай, связанный с табуированием имени главного небесного покровителя.

Это позволяет рассматривать антропонимические процессы, происходившие в казачьей среде Белки в XVII - первой половине XVIII вв., в более широком контексте принципов имянаречения, функционировавших в этот период в Восточной Европе. Логично предположить, что в сообществе, отдавшем себя под покровительство св. Николая, о чем свидетельствует строительство церкви в его честь, имя этого святого также стало табуированным. В пользу такого предположения говорит тот факт, что несмотря на сложности, связанные с нехваткой места в церкви для размещения стремительно возросшего населения Белки, церковь “расширяли”, но вторую, в отличие от многих близлежащих казачьих поселений, не строили. Это говорит о замкнутости казачьего социума сл. Белка, оформившегося, очевидно, еще задолго до появления на Слобожанщине в середине XVII в., и принципиально оберегавшего некие социально значимые для него принципы, сложившиеся в период его формирования. Одним из этих принципов была, очевидно, мистическая передача данного социума под покровительство св. Николая, выходящая за рамки формальной христианской традиции.

И все же очень показательна связь бельчанской антропонимики с общественными процессами, происходившими в белчанской среде в XVIII в. Здесь проявилась и устойчивая архаичность казацкого правосознания, возможно, выходящая за рамки христианской культуры, и подсознательное сопротивление новациям, навязываемым извне, к числу которых относилось и принесенное вновь прибывшими поселенцами имя. Такая замкнутость социума свидетельствует о его древности: недаром бельчанские казачьи фамилии Андреев и Величко были известны в этих местах еще в 1571 г. Поэтому указанная в “прошении” 1732 г. дата строительства бельчанской церкви - 1675 г. - может служить датой строительства “этой” церкви, как это и отметил преосв. Филарет, но не обязательно датой строительства Николаевской церкви или основания Белки.

Вообще, нельзя преувеличивать зависимость слобожанской казачьей устной культуры и традиций от традиций церковных и письменной в принципе, христианской культуры. Принимая во внимание устойчивость архаических черт в правосознании казаков, было бы интересно проследить характерное для такого типа культуры влияние на него христианских

апокрифов и отреченного чтения, весьма распространенного в России в XVII - XVIII вв., в том числе и в воинской среде. Вот как, например, это выглядело в Великоустюжском сборнике заговоров от вражеского оружия XVII в. - "Молитва царя Александра Македонского, идучи на бой битися, или где ни буди... Буди помощник святитель Николае, помогай и помилуй меня, раба Божия имярек, от всякия стрелы, летящая в день и в ночь, от ведунов и от вещеиц"; в другой части - "О, стрела стой, не ходи ко мне молением великого чудотворца Николы". Та же картина и в сборнике заговоров XVIII в. - "Сохраняет меня и защищает Господь Бог наш ... и покрывает святой страстотерпец Христов Георгий, храбрый воин,... и святой великий чудотворец Николай Можайский кроет меня, раба Божия имярек своею честною ризою и святою и не даст меня на посечение и на постреление всякому языку верному и неверному, плечю и сопостату нашему всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь" [12]. Возможно, именно этот круг литературы обусловил зависимость антропомимических особенностей достаточно изолированного воинского социума Белки от своеобразного, не во всем канонического почитания и прославления св. Николая. Кстати, имени Георгия в Белке мы тоже не обнаруживаем, что также может быть связано с распространением некоей заговорной практики в казачьей воинской среде.

Так что запретительное отношение к наречению новорожденных именем Николай среди казаков Белки было обусловлено и возможным предвзятым отношением культурно-психологического плана, и обосновывалось какими то архаичными аллюзиями, возможно, подпитывавшимися образами, функционировавшими на местном уровне в виде какого то сборника заговоров от оружия. В таком случае становится понятно, почему имя Николай было табуировано в бельчанской казачьей среде, передававшей себя под покровительство св. Николаю, что не противоречит тому, что единственная церковь в Белке была посвящена именно этому святому. Предполагаем, что это происходило в контексте распространения охранительной магической практики, сформулированной, возможно, в каком то сборнике заговоров. Обращение к христианским образам в процессе ее реализации не должно нас вводить в заблуждение, т. к. это было характерной чертой колдовских заговоров еще с древнерусского периода. Поэтому наличие церкви ни в коем случае не служило препятствием к использованию такой практики, распространителями которой по большей части выступали люди, умевшие писать и читать, в т. ч. и священники. Может быть в причастности к такой практике, характерной для архаичных казачьих сообществ, в которых священник не был специально образован и зачастую был выходцем из казачьей воинской среды, кроется причина отсутствия имени Николай среди священников из семьи Скряг, монополюбно обслуживавшей население Белки до конца XVIII в.? Напомним, что ни один из пяти сыновей священника переписи 1726 г. Матвея Дмитриевича Скряги, между которыми он разделил разросшийся бельчанский приход, не носил этого имени! Быстрое же распространение в Белке имени Николая после 1765 г. может быть объяснено не только изменением социальной структуры и деформацией казачьих обычаев и представлений под воздействием российских армейских традиций, но и

возросшим пастырским контролем над деятельностью бельчанских священников, нарушением монополии семьи Скрыг на священство в Белке. Это привело, возможно, к общественному порицанию заговорной практики среди казаков, переведа ее на индивидуальный уровень.

1. Ревизская сказка 1782 г. // Ревизские сказки населения сл. Белка Ахтырского уезда. Конец XVIII ст. - Харьков: Харьковский частный музей городской усадьбы, 2007; Ревизская сказка 1811 г. // Ревизские сказки населения сл. Белка Ахтырского уезда. Первая четверть XIX ст. - Харьков: Харьковский частный музей городской усадьбы, 2009; Ревизская сказка 1835 г. // Ревизская сказка войсковых обывателей слободы Белка Ахтырского уезда. 1835 год. - Харьков: Харьковский частный музей городской усадьбы, 2010; Ревизская сказка 1850 г. // Ревизская сказка государственных крестьян слободы Белка Ахтырского уезда. 1850 год. - Харьков: Харьковский частный музей городской усадьбы, 2010; Древности слободы Белка. XVII - XVIII ст. - Харьков: Харьковский музей городской усадьбы, 2010.
2. Древности слободы Белка. XVII - XVIII ст. - Харьков: Харьковский музей городской усадьбы, 2010. - С. 48-75.
3. Там само. - С. 42-47.
4. Там само. - С. 30-41.
5. Филарет (Гумилевский Д.Г.). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. - Т. 1. - Харьков, 2006. - С. 307.
6. Alnbauer M. Duplety imion biblijnych w polszczyźnie / M. Alnbauer // Onomastica. - 1965. - R.X. - Zesz. 1/2. - S. 193, 196.
7. Єзерська І.В. Чоловічі та жіночі імена за метриками хрещень катедрального костюлу Львова (XVII ст) / І.В. Єзерська // Український історичний журнал. - 2009. - № 6. - С. 204.
8. Ведомость о церкви Николаевской Ахтырского уезда слободы Белки за 1843 год // Госархив Сумской обл., ф. 804, оп. 1, дело 958, л. 226.
9. Reczek J.Z. Z zagadnien polskiego nazewnictwaosobowego / J.Z. Reczek // Onomastica. Pismo poswiecone nazewnictwu geograficznemu i osobowemu. - Wrozlaw; Warszawa; Krakow, 1965. - R.X. - Zesz. 1/2. - S. 193.
10. Єзерська І.В. Чоловічі та жіночі імена за метриками хрещень катедрального костюлу Львова (XVII ст) / І.В. Єзерська // Український історичний журнал. - 2009. - № 6. - С. 203, 207.
11. Там само. - С. 213.
12. Отреченное чтение в России XVII - XVIII веков. - Москва, 2002. - С. 180-181, 209, 280.

Стависький В.І.

Про особливості антропоніміки в козакому середовищі Слобожанщини XVII - XVIII вв. (За матеріалами переписів населення більчанської сотні Ахтирського козачого полку)
У статті розглядаються особливості становлення і функціонування антропоніміки с. Білка Ахтирського козачого полку в XVII - XVIII вв.

Staviskiy V.I.

About the features of antroponimiki in the cossack environment of Slobozhanshiny of XVII - XVIII vv. (On materials of censuses of population of bel'chanskoy hundred Akhtyrskogo of cossack regiment)

In the article the features of becoming and functioning of antroponimiki are examined p. Squirrel Akhtyrskogo cossack regiment in XVII - XVIII cent.